

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

На правах рукописи

Кузнецов Глеб Романович

**Революционная борьба и погромы в период Первой русской революции
1905–1907 гг.**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2011

Общая характеристика работы

Предмет и актуальность исследования. Революционная борьба в 1905–1907 гг. велась одновременно на двух направлениях – против власти и против консервативной общественности. Настоящая диссертация посвящена именно второму аспекту этой борьбы – насильственным действиям революционных групп в отношении контрреволюционно настроенной части населения и вылившейся в погромы реакции на подобные акции лояльного политическому режиму социальных слоев. В рассматриваемую в диссертации эпоху широко применялся террор: индивидуальный террор, направленный на ликвидацию видных политических деятелей, и государственный террор, представлявший собой квазилегитимные действия властей по наведению порядка. От этих видов политического насилия отличался взаимный террор представителей общественности – революционеров против консервативных обывателей и контрреволюционного населения против участников антиправительственного движения. В диссертации под такого рода революционным террором понимается и специфическая пропаганда действием, то есть публичная и агрессивная демонстрация силы, имевшая целью вовлечение аполитичных граждан в борьбу с властью. Под контрреволюционным общественным террором имеются в виду поначалу спонтанные и неорганизованные акции противодействия различных по своей социальной принадлежности жителей городов, а также крестьян революционным выступлениям. Однако с течением времени такой террор был взят на вооружение черносотенными организациями, создававшимися при поддержке властей. Всю совокупность обоюдных гражданских столкновений на политической почве справедливо считать массовым террором, кульминацией которого стали погромы, ставшие стихийным ответом на чрезвычайную активизацию антиправительственных сил. Поэтому жертвами погромов оказывались те общественные слои, которые в глазах контрреволюционных групп населения несли

ответственность за революцию. Отсюда, как доказывается в работе, мотивационная основа погромов периода Первой русской революции была двойкой – и национальной, предполагавшей насильственные действия против компактно проживавшего еврейского населения, и политической.

В работе рассматриваются процессы формирования революционных и черносотенных организаций и консолидации социальных групп, ориентированных на применение массового террора, а также исследуются предпринимавшиеся ими акции. В силу того, что авторское внимание сфокусировано на столь масштабной и специфической проблеме, иные проявления революционной борьбы и действия властей по их подавлению в диссертации не разбираются. Авторское внимание сосредоточено преимущественно на реконструкции борьбы враждебных общественных групп. Сопутствовавшие такому противостоянию явления 1905–1907 гг. освещены в работе лишь в связи с их влиянием на изучаемые процессы.

Подобная постановка проблемы позволяет в определенной степени скорректировать сложившуюся в историографии оценку характера революционных событий 1905–1907 гг. Основным конфликтом Первой русской революции принято считать противостояние революционного общества и реакционной власти, причем каждая из сторон, согласно такому взгляду, боролась за влияние на пассивные массы¹. Однако предпринятое исследование позволяет дополнить указанную схему, свидетельствуя о существовании третьей самостоятельной силы – значительной контрреволюционной части населения.

Предмет, объект и задачи исследования. Революционная борьба с консервативной общественностью и погромы в период Первой русской революции стали основным предметом работы. Объектом диссертации явились боевые дружины и все сторонники революционного и контрреволюционного общественных движений, принявшие в ходе

¹ См.: Лихоманов А.В. Борьба самодержавия за общественное мнение в 1905–1907 гг. М., 1997; Первая революция в России. Взгляд через столетие. М., 2005. С. 302–303, 322–323.

революции участие в гражданских столкновениях. Недостаточное внимание в историографии к предмету и объекту исследования обусловило следующие исследовательские задачи:

Во-первых, изучить действия революционных и контрреволюционных групп населения, направленные на создание боевых дружин и проведение акций террора против враждебных социальных слоев.

Во-вторых, проанализировать гражданские столкновения на территории Российской империи, рассмотрев региональные и временные особенности этого явления, его характер и результаты.

В-третьих, оценить роль Союза русского народа (СРН) в применении террора по отношению к революционным группам, участие администрации в создании этой организации, а также то влияние, которое состояние власти оказывало на характер гражданских столкновений в 1905–1907 гг.

Методологической основой работы стали основные обязательные принципы создания исторического исследования – историзма, научной объективности и системности. На эти методологические основы опирались конкретные методы данного исследования – историко-сравнительный и проблемно-хронологический. Оба метода обеспечили широкие познавательные возможности для всестороннего изучения массового террора периода Первой русской революции.

Хронологические рамки работы определяются в соответствии с предметом и объектом исследования действиями революционных и черносотенных групп. Поставленные исследовательские задачи были рассмотрены на временном отрезке с 9 января 1905 г. по 3 июня 1907 г. То есть хронологические рамки исследования обусловлены двумя принятыми в исторической науке датами начала и окончания Первой русской революции. Указанный период традиционно делится на три этапа – подъема революционного движения (9 января – начало октября 1905 г.), пика революции (октябрь–декабрь 1905 г.) и ее стагнации и отступления (январь 1906 г. – 3 июня 1907 г.). Так как диссертация посвящена конкретному

аспекту революционных событий, названные этапы должны быть охарактеризованы сообразно с присущими им проявлениями массового террора.

На первом этапе акции массового революционного террора, начавшиеся после расстрела рабочих демонстраций в Санкт-Петербурге, распространились по империи, охватив, в первую очередь, ее западные области. Уже тогда проявились основные черты общественного противостояния и произошли первые значимые прецеденты массового террора.

Расширение сферы его применения наряду с развитием иных форм антиправительственной борьбы ознаменовало собой начало второго этапа революции и в итоге привело к Всероссийской октябрьской политической стачке и подписанию 17 октября 1905 г. императором Николаем II Манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка». Обнародование этого акта вызвало резкий подъем революционного движения, поставившего в значительной части крупных населенных пунктов задачу окончательного свержения монархии. Подобные действия, в свою очередь, спровоцировали встречные шаги консервативной части населения, что привело к обострению общественной борьбы вплоть до ее кульминационной фазы – массовых вооруженных столкновений в виде погромов.

Поражение революционных сил в ходе октябрьских столкновений с контрреволюционной общественностью и последовавшие после недлительного затишья вооруженные декабрьские восстания, подавленные преимущественно армейскими формированиями без привлечения лояльных власти общественных групп, открыли третий этап исследуемой эпохи. На его протяжении общественное противостояние происходило в новых условиях – на фоне функционирования Государственной думы, политических партий и независимой печати. На протяжении 1906 – первой половины 1907 гг. массовый террор применялся с меньшей интенсивностью, будучи, как

правило, замещенным легальными способами общественной борьбы. Однако он продолжал играть существенную роль в провинции, хотя из практических действий и превратился по большей части в феномен идеологического противостояния.

Степень изученности проблемы. Революционная борьба и погромы как взаимосвязанные явления Первой русской революции до сих пор в историографии не становились специальным предметом исследования. Изучались их различные проявления, но это происходило в контексте рассмотрения иных проблем. Таким образом, информация о политическом противостоянии гражданских групп в 1905–1907 гг. не игнорировалась, но вместе с тем не была должным образом систематизирована, а следовательно, проанализирована.

Исследования, которые представляют интерес в связи с проблемой гражданских столкновений в 1905–1907 гг., делятся на две неравные части. Большинство работ – это публицистика и научные труды, посвященные деятельности черносотенных организаций. Исключительно им – СРН и провинциальным черным сотням – историография длительное время приписывала проведение акций массового террора. Меньшая часть исследований затрагивает деятельность революционных организаций, но в этих трудах проблема массового террора ставилась редко, причем само это явление рассматривалось как второстепенное в сравнении с иными проявлениями революционной борьбы.

Единство подходов и преемственность основных оценок существа гражданских столкновений в период революции 1905–1907 гг. позволяет воспринимать дореволюционные и советские работы как единый этап изучения проблемы. В рамках указанного этапа следует выделить отдельные подступы к осмыслению массового террора. Начало положила дореволюционная публицистика². Затем последовал всплеск интереса к теме

² *Алтайский Б.* Кое-что о черной сотне // Народный труд. Народно-социалистическое обозрение. Вып. 2. СПб., 1906; *Белоконский И. П.* Черносотенное «движение» или тайны

в 1920–1930-е гг.³ Наконец, в 1960–1980-е гг. выходили исследования, претендовавшие на взвешенность и академизм⁴.

Характерным примером дореволюционной публицистики являются работы Ю.Н. Лавриновича и А. Евгеньева. Им присущи попытки объяснения погромов в предпочтительном для революционного движения ключе⁵. Ценным для настоящей диссертации явилось наследие видного сионистского деятеля В.Е. Жаботинского, который, противодействуя вовлечению еврейской молодежи в революцию, раскрывал существо и значение массового революционного террора⁶.

Из исследований 1920–1930-х гг. наибольший интерес представляет работа В.Н. Залежского «Монархисты». Согласно авторской концепции, ставшей хрестоматийной для последующей советской историографии, экономический упадок, вызванный революционными событиями, породил контрреволюционные настроения у средних городских слоев. Этим воспользовались дворянство и духовенство. Они создали черносотенные союзы и организовали при содействии полиции, местной власти и войск погромы⁷. По мнению А.Д. Киржница, борьба еврейского пролетариата была

русской контрреволюции // Образование. № 1. Ч. 1. СПб., 1906; *Борисов Я.* Кому нужны погромы? СПб., 1906; *Вешков Е.* Черные патриоты. М., 1906; *Левицкий В.* Правые партии // Общественное движение в России в начале XX в. Т. 3. Кн. 5. СПб., 1914; *Меч В.* Силы реакции // Борьба общественных сил в русской революции в 1905–1906 гг. М., 1907; *Обнинский В.П.* Новый строй. М., 1909. Ч. 1.

³ *Диманштейн С.* Очерк революционного движения среди еврейских масс // 1905. История революционного движения в отдельных очерках. Под ред. М.Н. Покровского. Т. 3. Вып. 1. От октября к декабрю. Движение национальностей и окраин. М.–Л., 1927; *Кандидов Б.* Крестом и нагайкой (Почаевская лавра и черносотенное движение). М., 1928; *Коган И.* Погромы в дни свободы (октябрь 1905). М., 1925; *Островцов А.* Последние могикане старого строя. М., 1925; *Ткачуков И.* Темные силы в дни первой революции и в годы реакции // Пути революции. Историко-революционный журнал. Харьков, 1926. Кн. II–III.

⁴ *Аврех А.Я.* Столыпин и Третья Дума. М., 1968; *Комин В.В.* История помещичьих, буржуазных и мелкобуржуазных партий в России. Курс лекций. Калинин, 1970; *Прайсман Л.Г.* Погромы и самооборона // Двадцать два. М.–Иерусалим. № 51. Декабрь 1986 – февраль 1987; *Спирин Л.М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий (начало XX в. – 1920 г.). М., 1977; *Черменский Е.Д.* Буржуазия и царизм в Первой русской революции. М., 1970.

⁵ *Лавринович Ю.Н.* Кто устроил погромы в России? Берлин, 1906. С. 44–46, 117–122, 218–219; *Евгеньев А.* Царские погромщики Пг., 1919. С. 5–7, 14, 20–21.

⁶ *Жаботинский В.Е.* Избранное. СПб., 1992. С. 42–43.

⁷ *Залежский В.Н.* Монархисты. Харьков, 1929. С. 41.

направлена на подавление контрреволюционных общественных сил путем применения акций массового террора. Эти акции проводились боевыми беспартийными отрядами еврейской молодежи⁸. Обозначенное направление развития историографической мысли объективно имело серьезные исследовательские перспективы – изучение революционных событий в указанном ракурсе было обеспечено обширным источниковым материалом. Однако советская историческая наука по политическим причинам отказалась от исследования массового террора как формы общественного противостояния, вернувшись к мнению дореволюционных публицистов о единоличной ответственности черносотенцев и власти за погромы.

Новые акценты в изучении темы появились в 1970-е гг. и были вызваны результатами более высокого уровня осмысления эпохи начала XX в. прежде всего в трудах А.Я. Авреха, Л.М. Спирина, Е.Д. Черменского. Однако и в поздней советской историографии гражданские столкновения революционного периода продолжали рассматриваться как казус, вызванный действиями власти и малочисленных черносотенных групп, но отнюдь не как система. Исключением стала лишь работа Л.Т. Сенчаковой «Боевая рать революции», в которой было положено начало систематическому изучению деятельности боевых дружин провинциальных революционных комитетов⁹.

Изменения в стране в конце 1980-х – начале 1990-х гг. усилили интерес к истории политической борьбы внутри российского общества¹⁰. С.А. Степанов своей книгой «Черная сотня» в 1992 г. положил начало новому

⁸ *Киржниц А.Д.* Рабоче-крестьянские массы в борьбе с погромами в 1905 г. М., 1930; 1905. Еврейское рабочее движение. Материалы и документы. М., 1928. Под ред. А.Д. Киржница. С. 99–103, 208–214.

⁹ *Сенчакова Л.Т.* Боевая рать революции. М., 1975.

¹⁰ *Будницкий О.В.* Российские евреи между красными и белыми. М., 2006; *Он же.* Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2000; *Гейфман А.* Революционный террор в России 1894–1917 гг. М., 1997; Первая российская революция 1905–1907 гг. Обзор советской и зарубежной литературы. Под ред. Е.Д. Черменского. М., 1991; *Поликарпов В.Д.* Военная контрреволюция в России. М., 1990; *Тютюкин С.В.* Революция 1905–1907 гг. в современной отечественной историографии // 1905 год – начало революционных потрясений в России XX века (материалы международной конференции). Отв. ред. П. В. Волобуев. М., 1996.

этапу изучения темы. В дополненном и переизданном в 2005 г. труде автор отрицает причастность монархических партий к организации погромов осенью 1905 г. Важно и опровержение им мнения о преобладающем значении национальной составляющей в указанных общественных столкновениях¹¹.

К столетию Первой русской революции была издана коллективная монография Н.Г. Королевой, Н.М. Пушкаревой, С.В. Тютюкина и других авторов, призванная обобщить достижения в исследовании этой переломной эпохи. Однако указанная работа ничего не дала для переоценки борьбы различных общественных слоев в 1905–1907 гг. В ней были собраны многие устаревшие политизированные утверждения, берущие начало еще в дореволюционной публицистике¹².

Погромы и иные проявления гражданского противостояния в 1905–1907 гг. привлекали внимание и зарубежной историографии, которая пришла к значимым для диссертации выводам. Так, в изданном в 1992 г. Кембриджским университетом коллективном труде фактически опровергается устоявшееся мнение о прямой организации погромов в октябре 1905 г. правительством или черносотенными союзами¹³. Например, Михаэль Арансон отмечает, что гражданские столкновения стали неожиданным и неприятным явлением для власти¹⁴.

Анализ историографии гражданского противостояния в 1905–1907 гг. позволяет утверждать, что масштабы этого исторического явления недооценивались, его характер и существо не были изучены. Несмотря на достижения исторической науки последних двух десятилетий, проблема взаимного общественного революционного и контрреволюционного терроров по-прежнему присутствует в исследовательской литературе в качестве сопутствующего, второстепенного явления внутривластной

¹¹ См.: Степанов С.А. Черная сотня в России (1905–1914гг.). М., 2005. С. 70–111.

¹² Первая революция в России. Взгляд через столетие. М., 2005. С. 320–323, 343.

¹³ Pogroms: Anti-Jewish Violence in Modern Russian History. Cambridge University Press, 1992.

¹⁴ Ibid. P. 233.

жизни в России 1905–1907 гг. Поэтому названная проблема не была разработана комплексно, с формулированием представлений о причинах, формах, хронологии и результатах указанного феномена.

Источниковая база исследования. Диссертация написана на обширной источниковой базе, включающей в себя делопроизводственную документацию, материалы личного происхождения и периодическую печать.

Переписка Департамента полиции (ДП) с провинциальными полицейскими органами, хранящаяся в фонде 102 Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), содержит непосредственно касающуюся темы настоящего исследования обширную информацию о террористических актах и общественных столкновениях. Эта информация в основном приведена в телеграммах, оперативно направлявшихся губернскими жандармскими управлениями (ГЖУ) и отделениями по охране общественной безопасности и порядка (охранными отделениями) в Санкт-Петербург. При работе над диссертацией также использованы аналитические записки, составлявшиеся руководителями провинциальных полицейских органов и губернаторами. К этой же группе источников относятся инструкции руководства ДП и МВД относительно тех мер, которые местная администрация должна была принимать в условиях революционной борьбы.

Другая группа делопроизводственной документации представлена следственными делами Министерства юстиции (МЮ) по фактам погромов. Дела хранятся в фонде 124 (описи 45 и 65) ГА РФ. Они уступают полицейским материалам по части содержательности, но им присущи большая взвешенность оценок, стремление к завершенности и подведению черты под изучаемым актом.

Важным делопроизводственным источником явились материалы Чрезвычайной следственной комиссии (ЧСК) Временного правительства. Они хранятся в фонде 1467 ГА РФ. Расследование комиссии затронуло деятельность боевых дружин СРН, а также контакты его вождей с представителями власти.

Среди источников личного происхождения первенствующее значение при проведении данного исследования имели воспоминания рядовых участников антиправительственного движения, опубликованные по заданию Комиссии по истории Октябрьской революции и РКП(б) (Истпарт) к 20-летию революции. Значительное число провинциальных отделений Истпарта справилось с поставленной задачей, обобщив в изданных сборниках воспоминания революционеров и представив обзорные статьи историков, составленные на основании источников местных архивов¹⁵.

Иные источники личного происхождения выполняли вспомогательную функцию, дополняя основные блоки информации фактами и оригинальными трактовками. Среди наиболее значительных материалов этого ряда необходимо назвать воспоминания и публицистические работы участников черносотенного движения¹⁶, а также черносотенные брошюры в форме личных воспоминаний неизвестных авторов¹⁷. Ставя цель предоставить обществу благообразный облик черной сотни, упомянутые авторы игнорировали вопросы о терроре и боевых дружинах, стремясь акцентировать внимание на антигосударственной деятельности своих оппонентов.

¹⁵ 1905 год в Белоруссии. Под ред. М. Шульмана. Минск, 1925; 1905 год в Воронеже. Воронеж, 1925; 1905 год в Вятской губернии. Под ред. С.Н. Порошина. Вятка, 1925; 1905 год в Гомеле и Полесском районе. Гомель, 1925; 1905 год в Казани. Казань, 1948; 1905 год в Костроме. Кострома, 1926; 1905 год в Курской губернии. Курск, 1941; 1905 год в Москве. М., 1955; 1905 год. Революционное движение в Одессе и Одешине. Одесса, 1925; 1905 год в Орловском крае. Орел, 1926; 1905 год на Полтавщине. Полтава, 1925; 1905 год в Рязанской губернии. Рязань, 1925; 1905 год в Сормово. Сормово, 1926; 1905 год в Тверской губернии. Тверь, 1925; 1905 год в Царицыне. Сталинград, 1960; 1905 год в Харькове. Харьков, 1925; 1905 год. Революционное движение в Архангельской губернии. Очерки и воспоминания. Архангельск, 1925; 1905. Сборник статей о революционном движении 1905–1907 гг. в Вологодской губернии. Вологда, 1925; 1905 год. Сборник воспоминаний участников революционного движения в бывших Самарской и Симбирской губерниях. М.–Куйбышев, 1935.

¹⁶ Булацель П.Ф. Борьба за правду. СПб., 1908; *Илиодор (Труфанов), иеромонах*. Правда о Союзе Русского Народа, Союзе Русских Людей и др. монархических организациях. Одесса, 1907; *Майков А.А.* Революционеры и черносотенцы. СПб., 1907; *Марков Н.Е.* Войны темных сил. Париж, 1928.

¹⁷ Еврейский погром в Екатеринославле. Б.м. Б.г.; Как черносотенцы разгромили революционеров 10 июля 1905 г. в г. Нижнем Новгороде. Б.м. Б.г.

К наследию черносотенцев примыкают воспоминания правых общественных деятелей и консервативных чиновников. Эти лица не имели прямого отношения к организации СРН. Они оценивали контрреволюционные общественные группы глазами осведомленного благожелательного наблюдателя¹⁸. Отдельную группу источников формируют мемуары чиновников, выступивших непосредственными организаторами черносотенных организаций¹⁹. Эти материалы можно назвать разоблачительными, так как их авторы были близко знакомы с деятельностью черной сотни и не скрывали своего негативного отношения к ней.

При написании исследования также были использованы воспоминания либеральных общественных деятелей²⁰ и некоторых государственных лиц²¹. Из наследия лидеров социалистического движения привлечены статьи В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого²². Задействовались и сочинения видных мыслителей эпохи, например Н.А. Бердяева и В.В. Розанова²³.

Поставленные в работе задачи потребовали обращения к целому комплексу периодических изданий, дополняющих делопроизводственные материалы многочисленными интерпретациями исследуемых событий.

Периодическая печать в соответствии с политической ориентацией изданий может быть сгруппирована на консервативную, включая

¹⁸ Гурко В.И. Черты и силуэты пошлого. М., 2005; Шульгин В.В. Дни. М., 1990.

¹⁹ Герасимов А.В. На лезвии с террористами // Охранка. Воспоминания руководителей политического сыска. Т. II. М., 2004; Дневник Г.О. Рауха // Красный Архив. 1926. №6(19); Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. №3; Мосолов А.А. При дворе последнего царя. Воспоминания начальника дворцовой канцелярии 1900–1916 гг. М., 2006.

²⁰ Астров Н.И. Воспоминания. М., 2000; Гиляровский В.А. Репортажи из прошлого. М., 2010; Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917). Т. 1. М., 1990; Струве П.Б. Интеллигенция и революция // Манифесты русского идеализма. М., 2009.

²¹ Витте С.Ю. Избранные воспоминания. М., 1997. Т. II; Коковцов В.Н. Из моего прошлого. М., 1992. Кн. 1; Палеолог С.Н. Около власти. Очерки пережитого. М., 2004.

²² Ленин В.И. Всероссийская политическая стачка // ПСС. М., 1960. Т. 12; Он же. Между двух битв // Там же; Он же. Черные сотни и организация восстания // ПСС. М., 1968. Т. 11; Троцкий Л.Д. На другой день после манифеста // Первая русская революция. Сборник 2-ой. Тула, 1925.

²³ Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции. М., 1998; Розанов В.В. Загадки русской провокации. Статьи и очерки. М., 2005; Он же. Когда начальство ушло... М., 2005.

черносотенную, и либеральную, к которой в оценках массового террора примыкала и печать социалистическая. Из консервативной периодики были привлечены материалы официального печатного органа СРН – газеты «Русское знамя». Используются данные печатных органов московского отделения СРН (журнала «Колокол»), одесского отделения (газеты «За Царя и Родину»), почтаевского отделения (газеты «Почтаевские известия»). Привлечены черносотенные газеты: «Гроза», «Искорка», «Свет», «Народ», «Уфимский край», «Юго-Восточный край». Умеренно правые издания представлены газетами «Новое время» А.С. Суворина и «Московскими ведомостями», редактировавшимися В.А. Грингмутом.

При написании работы были использованы ведущие либеральные периодические издания. Среди них прогрессистское «Утро России», кадетская «Речь», близкие к партии кадетов «Биржевые ведомости», октябристский «Голос Москвы». Фрагментарно применялись сведения из «Современного слова», «Столичного утра», «Свободной мысли», «Петербургской газеты», «Руси» и некоторых провинциальных изданий.

Сопоставление делопроизводственной документации и воспоминаний участников революционного движения стало базовым при написании работы. Публикации прогрессивной прессы дополняют авторскую реконструкцию темы новыми фактами и предоставляют свежие трактовки происходивших событий. Наконец, материалы правой печати, наследие консервативных представителей администрации и лидеров черносотенного движения являются ценным материалом для новых интерпретаций.

Научная новизна исследования. Работа представляет собой первую попытку всестороннего изучения силового противостояния гражданских группировок в период Первой русской революции. Проведенное исследование позволяет показать всероссийский масштаб этого явления, его значительность в ряду факторов революционной борьбы и контрреволюционного противодействия ей. Это дает возможность

сформировать более полное представление об общественной борьбе в 1905–1907 гг.

Практическая значимость исследования. Материалы и выводы диссертации могут быть использованы для дальнейшего исследования иных аспектов Первой русской революции, например, взаимоотношения власти и консервативных групп населения, отношения Русской православной церкви к проявлениям черносотенного террора, а также при создании обобщающих работ по истории Первой русской революции, разработке общих и специальных лекционных курсов и учебных программ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка.

Основное содержание работы

Во **введении** определяется проблематика, ставятся цели и задачи диссертационного исследования, обосновывается его научная новизна, дается характеристика источников и литературы.

Глава I. Революционная борьба и погромы в период между «кровавым воскресеньем» и началом Всероссийской октябрьской стачки. В главе рассматривается формирование революционных и черносотенных боевых дружин, предпринимавших акции террора против враждебных общественных слоев на первом этапе революции, а также разбираются погромы весны и лета 1905 г.

Автор делает акцент на том, что одним из основных проявлений революционной борьбы в значительной части городов Российской империи на начальном этапе революции были вооруженные акции революционных групп, направленные на демонстрацию силы и явившиеся своего рода пропагандой действием. В главе разбирается процесс формирования дружин еврейской самообороны в границах черты оседлости и боевых дружин при провинциальных комитетах революционных партий. При этом

подчеркивается, что поначалу массовый революционный террор вылился, с одной стороны, в убийства представителей низшего уровня власти, с другой стороны, в акции демонстрации силы перед не проявлявшими своих политических пристрастий обывателями. Наиболее распространенным типом революционных акций стали попытки вооруженного захвата театров и синагог во время представлений и собраний и вовлечение их участников в революционные митинги. Революционные группы использовали собрания городских обывателей на бульварах и в других общественных местах для проведения вооруженных митингов со стрельбой в воздух. Иной формой действий революционеров, которые могут быть отнесены к террору против враждебной общественности, были так называемые «снятия с работ», то есть насильственные действия по прекращению функционирования торговых, ремесленных и промышленных предприятий. Широкое распространение вследствие нежелания пролетариата малороссийских и белорусских губерний участвовать в забастовках также получили угрозы, избиения и убийства не желавших прекращать трудовую деятельность под давлением революционно настроенных групп.

В главе указывается на неразрывную связь акций революционного террора и процесса формирования черносотенных союзов и боевых групп. Однако процесс подобного общественного структурирования на первом этапе революции не получил широкого распространения, не встретив сочувствия у общества и не получив поддержки у власти. Поэтому к началу Всероссийской октябрьской стачки в империи существовало ограниченное количество провинциальных черносотенных союзов, слабо вовлеченных в происходившие в стране события. В то же время массовые революционные акции воспринимались значительной частью городских обывателей как оскорбительные для национального достоинства, и в ответ на них стали происходить стихийные, то есть организационно не подготовленные, разгоны антиправительственных демонстраций. Именно в таком ключе в главе рассматриваются первые столкновения революционных и черносотенных

групп, произошедшие в феврале–апреле 1905 г. в Казани, Пскове, Курске, Мелитополе.

В главе подробно анализируются обстоятельства апрельской погромной тревоги 1905 г., которая вызвала в обществе значительный резонанс и укрепила позиции тех общественных кругов, которые высказывали опасения перед надвигавшейся контрреволюционной погромной волной. Причиной тому стал первый в рассматриваемый в диссертации период полномасштабный погром, произошедший 23–26 апреля 1905 г. в Житомире. Фактор межнациональных противоречий сыграл существенную роль в житомирских событиях, однако погром явился столкновением двух групп населения, противостоявших друг другу, прежде всего, по политическим мотивам, а не по причине националистических экстремистских настроений.

Автор отмечает, что погромная тревога, прокатившаяся по черте еврейской оседлости после столкновений в Житомире, не принесла новых масштабных конфликтов. Власть обладала еще достаточным влиянием для сдерживания общественных противоречий, готовившихся вылиться в открытые формы противостояния. В главе указывается на закономерность, согласно которой выступления контрреволюционных групп происходили в тех случаях, когда власть проявляла нерешительность в борьбе с революционным движением. В свою очередь, активное применение вооруженной силы властью лишало консервативную часть общества мотивации вступать в борьбу. Второй в рассматриваемый период погром – в Нижнем Новгороде 10 и 11 июля 1905 г. – произошел вследствие нападения извозчиков, торговцев и портовых грузчиков на рабочий революционный митинг. Этот инцидент был вызван недовольством жителей политической борьбой, нарушавшей мирную жизнь и приводившей к экономическому упадку. Обстоятельства этого столкновения демонстрируют, что и здесь фактор межнациональных противоречий не был решающим.

В главе рассмотрены обстоятельства трех других погромов первого этапа революции – первого белостокского (30 июля 1905 г.), керчь-еникальского (30 июля 1905 г.) и бакинского (20–24 августа 1905 г.). Во всех названных погромах в действиях обеих противостоявших друг другу групп населения преобладала политическая мотивация. Факторы межнациональной нетерпимости и экономических осложнений, безусловно, влияли на участников событий, прежде всего, из монархически настроенных лиц, однако разделение на враждебные группы происходило все-таки в результате приятия или неприятия революционных лозунгов.

Автор приходит к выводу, что субъектами гражданского противостояния весной и летом 1905 г. являлись преимущественно малочисленные группы из представителей интеллигенции и еврейской молодежи. Применение активными сторонниками революции вооруженных методов борьбы и непопулярность освободительных идей в консервативно настроенных массах городского населения страны явились главными факторами возникновения массового террора как существенного явления общественной жизни России. Частично достигая своих целей, революционные акции производили и обратный эффект, провоцируя на ответные действия не сочувствовавшие революции группы населения.

В главе делается вывод, что хроника революционных акций, поступательно подводившая к событиям октября 1905 г., свидетельствует о распаде цельной политико-административной системы страны и одновременно – соединении к октябрю 1905 г. синкретичного революционного движения в единый фронт. Именно противоправительственные силы к концу первого этапа революции получили зримое преимущество над обоими своими врагами – деморализованной властью и не сумевшей объединиться в организованный проправительственный лагерь консервативной частью общества. Подъему революционно настроенных групп сопутствовало усиление массового террора и параллельно с этим – более ясное формулирование конечной цели

революции как свержения монархии. В результате увеличивался отрыв революционной общественности от подавляющей части политически пассивного или умеренного населения.

Глава II. Революционная борьба и погромы в дни «октябрьских свобод». В главе анализируется время апогея общественного противостояния после провозглашения Манифеста 17 октября 1905 г., когда за непродолжительное время в империи произошло 80 городских погромов.

Автор рассматривает распространение общественного насилия на фоне Всероссийской октябрьской стачки. Вызванные революционными событиями кризисные явления сопровождалось прекращением торговли, резким падением уровня жизни вследствие стачек, роста цен и дефицита товаров. Описанная в главе хроника революционной борьбы в преддверии провозглашения Манифеста 17 октября позволяет утверждать, что стачки участниками антиправительственного движения рассматривались как переходный этап к всеобщему вооруженному восстанию. Именно на него в значительной степени автономно друг от друга взяли курс революционные комитеты, блокировавшиеся в крупнейших городах империи в объединенные межпартийные организации и предпринимавшие шаги к налаживанию контактов с либеральными земскими кругами. Тем самым происходило формирование объединенных центров антиправительственного движения, которые после провозглашения Манифеста 17 октября повсеместно стали во главе революционных масс.

В главе разобраны революционные акции, предпринятые в октябре 1905 г. в Киеве, Одессе, Ростове-на-Дону, крупнейших городах в границах черты еврейской оседлости, Санкт-Петербурге, Москве, значительной части губернских центров Великороссии, Урала и Сибири. Повсеместно полицейская отчетная документация свидетельствовала об активизации вооруженных групп революционеров, проведении ими многочисленных и многолюдных демонстраций с радикальными лозунгами. Происходило слияние стачек с вооруженными акциями, что также означало объединение

революционной молодежи и городской интеллигенции с пролетариатом. Контрреволюционная часть городского населения накануне провозглашения Манифеста 17 октября себя не проявляла, будучи морально подавленной усилившимся революционным движением и неэффективностью власти в борьбе с ним.

Автор отмечает, что в первой половине октября 1905 г. в ряде городов страны начались вооруженные восстания, которые подавлялись армией и, как следствие, не сопровождались выступлениями контрреволюционной общественности. В то же время о росте недовольства в среде лояльного власти населения свидетельствует выступление в Твери. Там 17 октября произошел погром домов представителей местной интеллигенции, и было сожжено здание губернской земской управы.

В главе подчеркивается, что введение гражданских свобод Манифестом 17 октября не было подготовлено административными и пропагандистскими мерами и потому вызвало непонимание у значительной части населения и растерянность у администрации. В то же время революционные круги восприняли манифест как свидетельство слабости власти. Среди них повсеместно распространилось убеждение, что трон дрогнул и возникла реальная возможность добиться падения самодержавия.

Автор разбирает выступления революционных и черносотенных групп населения в более чем 80 населенных пунктах империи, в границах черты оседлости вылившиеся в еврейские погромы, а за ее пределами – в погромы интеллигенции и студенчества. При этом подчеркивается, что учинявшиеся черносотенцами грабежи и насилия над обывателями завершались беспорядками. Поначалу же вооруженное столкновение обеих общественных групп происходило исключительно под политическими лозунгами. В главе разобраны подобные столкновения на политической почве и проанализирована региональная специфика этого явления. В то же время, по мнению автора, правомерно утверждать о существовании комплекса базовых черт общественного противостояния на всей территории страны.

В главе указано, что провозглашение манифеста, в большей части населенных пунктов произошедшее 18 октября, а в отдаленных регионах Сибири и Средней Азии – 19 октября, было встречено многочисленными революционными демонстрациями. Повсеместно они сопровождались освобождением политических заключенных. В ряде городов это происходило в результате штурма тюрем (Екатеринославль), но чаще заключенных освобождала местная администрация по устному требованию революционеров (Кишинев). В то же время попытки штурма тюрем иногда (Ростов-на-Дону) становились поводом для активизации контрреволюционных групп населения и начала погромов. Другим направлением деятельности революционных демонстраций было их слияние с городскими думами и земскими управами. В значительной части городов (Вологда, Казань, Киев, Харьков) это приводило к организации объединенных комитетов, формированию «городской милиции» за счет средств местного самоуправления. Революционные демонстрации в первые часы после провозглашения манифеста выступали под лозунгами продолжения борьбы с монархией вплоть до ее свержения. Местная власть, за исключением незначительного числа городов (Минск, Пенза), не только не находила сил для борьбы с революционным движением 18 октября, но и не предпринимала к этому попыток, не понимая, как интерпретировать манифест.

В главе отмечается, что на начало дня 18 октября 1905 г. правомерно констатировать победу революционной общественности над властью, причем именно такая ситуационная победа и вызвала стихийные и повсеместные выступления монархически настроенной части городского населения. Если в первые часы в революционные демонстрации было вовлечено значительное число обывателей, благосклонно отнесшихся к манифесту как к акту монарха, то направление, которое стремительно принимали демонстрации, вынуждало обывателей спешно покидать ряды демонстрантов. Агрессивные антимонархические призывы революционных ораторов, с одной стороны, и

выступления черносотенных активистов и нижних чинов полиции, с другой стороны, подталкивали городские слои к активным антиреволюционным действиям. Появление слухов о насилиях и бесчинствах, чинившихся революционерами, с акцентом на их национальную принадлежность, провокационные действия боевых революционных дружин и агитаторов повсеместно становились поводом для вооруженных выступлений консервативно настроенной общественности. В подавляющей части населенных пунктов Российской империи столкновения революционных демонстраций и контрреволюционных толп, организовывавшихся в монархические манифестации, произошли во второй половине дня 18 октября. В большинстве таких столкновений быструю победу благодаря значительному численному превосходству одерживали контрреволюционные силы: революционные демонстрации разгонялись, их участников преследовали, избивали и затем переходили к разгрому имущества всех, заподозренных в сочувствии к революционерам. Прежде всего, громилось имущество, принадлежавшее евреям; в случае отсутствия в городах значительных еврейских общин разгрому подвергались дома интеллигенции и видных участников либерального движения. Благоприятной почвой для таких погромов явились проявления национальной нетерпимости, а также глубокий социальный раскол общества.

Автор подчеркивает, что на завершающих этапах погромов их событийное содержание становилось более комплексным. Революционные дружины пытались оказывать вооруженное сопротивление погромщикам. Происходили обыкновенные грабежи, в которых участвовали в том числе и нижние чины полиции. В то же время представители местной администрации, духовенства и консервативные общественные деятели пытались отвлечь простонародье от грабежей и направить энергию погромщиков в русло мирных монархических шествий. Указанные тенденции были взаимоисключающими, так как собиравшиеся шествия под действием слухов и стрельбы вооруженных революционных групп снова

превращались в грабительские шайки. А покровительство им со стороны нижних полицейских чинов, рассматривавших свои действия в силу невежества и озлобленности против революционной общественности как помощь престолу, создавало у погромщиков иллюзию законности творимого ими насилия.

В главе делается вывод, что по прошествии дней «октябрьских свобод» контрреволюционной общественности удалось повсеместно добиться успеха. Правда, применительно к этому времени относить группы консервативно настроенного населения к черной сотне в полном смысле слова нельзя. Это определение подразумевает политическую организацию, которой на тот момент еще не было, хотя социальный состав монархических демонстраций был именно черносотенным. В них участвовали средние и нижние слои городского населения – мелкие торговцы, ремесленники, извозчики, сезонные рабочие, а также представители уголовного мира, босяки.

В работе со ссылкой на многочисленные свидетельства источников подчеркивается, что власть была наблюдателем происходивших столкновений, но не их инициатором. Именно утрата администрацией рычагов управления после провозглашения Манифеста 17 октября толкнула население к применению силы по отношению к революционным группам. Версия об организации властью погромов является необоснованной, существовавшей только по причине ее крайней выгоды для революционных кругов и их идейных последователей в историографии и публицистике. Различные незначительные инциденты с участием низших полицейских чинов и слухи о погромной деятельности верхов администрации сформировали не подтверждающееся фактами мнение.

Автором приводится статистика погромов, в соответствии с которой их подавляющая часть произошла в сельской местности и не имела прямого отношения к политическим столкновениям, но была лишь продолжением многовековой погромной «традиции», оживленной революционной анархией. Согласно той же статистике, на один погром в 1905 г. в среднем

пришлось 1,5 убитых и 2 раненых еврея. Подавляющая часть погромов была бескровной, а жертвы, как свидетельствуют данные ГЖУ, появлялись в крупных населенных пунктах в тех случаях, когда самооборона пыталась оказывать сопротивление громилам. Сопоставление общего числа жертв общественных столкновений, по данным «Комитета помощи пострадавшим от погромов», свидетельствует, что около четверти убитых в Западном крае были евреями. Донесения политической полиции и губернской администрации в Санкт-Петербург указывают, что значительной частью жертв беспорядков – в крупных городах до половины пострадавших – являлись представители контрреволюционных групп. В главе делается вывод, что целью погромов на первых порах было не уничтожение враждебных общественных групп, а их подавление с целью предотвращения дальнейшего участия в революционном движении. Столкновения, как правило, завершались грабежами, хотя нередкими оказывались случаи, когда имущество подвергшихся погромам не расхищалось, а уничтожалось на месте.

Глава III. Революционная борьба и погромы на завершающем этапе революции (1906–1907 гг.). В главе рассматривается участие боевых дружин СРН в терроре против революционной общественности и ее ответные вооруженные акции в 1906–1907 гг.

Автор обобщает сведения о возникновении СРН и приходит к выводу, что он был создан консервативными общественными деятелями при поддержке высокопоставленных чиновников для консолидации черносотенного движения и противостояния революции. Цели и задачи СРН определились в ходе стихийных выступлений контрреволюционных групп в дни «октябрьских свобод». Однако их полноценной реализации препятствовало затухание массовых вооруженных общественных столкновений.

В главе анализируется деятельность черносотенных боевых дружин, формировавшихся в крупных городах Западного края и некоторых

губернских центрах Великороссии. Автор делает вывод, что дружины СРН были зависимы от местных властей и имели возможность функционировать лишь в случае твердой поддержки с их стороны. Такая поддержка в полной мере оказывалась дружинам СРН в Санкт-Петербурге, Москве, Одессе, но в то же время дружина в Гомеле, вопреки наличию активных лидеров и благоприятной социальной обстановке, распалась из-за негативного отношения к ней администрации.

Автор указывает, что на заключительном этапе революции общественность в массе своей с опаской воспринимала действия черносотенных дружин, боясь повторения погромов. Подобные настроения уместно назвать погромной тревогой, во многом усиленной и сформулированной в качестве конъюнктурной повестки дня печатью. Поэтому в значительной степени массовый террор на заключительном этапе революции из реально существовавшего стал феноменом общественного мнения и полемики в прессе. Тем не менее в 1906–1907 гг. в Российской империи имели место вооруженные столкновения, которые следует идентифицировать именно как погромы с политическим содержанием, в отличие, например, от столкновений в Гомеле в январе 1906 г. и Вологде 1 мая 1906 г., которые были спровоцированы бытовыми драками на рынках и переросли в грабежи. К проявлениям вооруженной борьбы общественных групп следует отнести второй белостокский (1 июня 1906 г.) и седлецкий (26–29 августа 1906 г.) погромы, явившиеся фактически городскими боями между армейскими подразделениями и революционными дружинами при несущественном участии контрреволюционных групп населения. Последний погром Первой русской революции – елисаветградский 28 февраля 1907 г. – стал единственной подобной акцией, организованной местным отделением СРН. Столкновения начались во время похорон одного из лидеров местной черной сотни, убитого представителем революционной боевой дружины. Грабежи и избиения продолжались в городе несколько часов и были прекращены полицией.

В главе делается вывод, что, несмотря на спорадические всплески насилия, угроза погромов в целом ослабевала на протяжении заключительного этапа революции. Распространенные во многих городах центральной части страны, Западного края, отчасти Северного Кавказа и Закавказья боевые черносотенные формирования вызывали неприятие у подавляющей части местного населения. Эти организации регулярно провоцировали насильственные действия по отношению к своим политическим противникам. Акты черносотенного террора являлись, как правило, ответной мерой на революционный террор против представителей консервативной общественности или администрации. Однако, копируя приемы революционного террора, выступления черносотенных организаций не приводили к успокоению общественной обстановки. Превосходство революционных боевых отрядов над дружинами СРН являлось существенным фактором политической повседневности в подавляющей части Западного края в исследуемый период. Несмотря на взаимные агрессивные действия революционного и черносотенного лагерей, погромная тревога 1906–1907 гг. оказалась во многом пропагандистским феноменом. Постепенно укреплявшаяся после кризиса октября 1905 г. власть оказывалась в состоянии предотвращать реализацию взаимных угроз революционных и консервативных радикальных общественных групп.

Заключение. В заключении подводятся итоги работы и формулируются основные выводы.

Во-первых, автор приходит к выводу, что революция на начальном этапе не обладала достаточно широкой поддержкой среди городского населения империи. По этой причине революционные группы должны были предпринимать радикальные меры для вовлечения масс в борьбу с властью. Одним из основных методов такой мобилизации обывателей явился террор по отношению к обществу, весной и летом 1905 г. распространившийся на значительной территории империи. Проводником этого направления борьбы

с властью явились партийные и беспартийные – организованные преимущественно по национальному принципу – вооруженные дружины.

В рамках разрешения первой задачи исследования автор подчеркивает, что параллельно с соединением в революционном движении пролетариата и городской интеллигенции происходили поляризация общественного мнения и консолидация контрреволюционной части населения. В то же время нет оснований считать, что черносотенное движение в 1905 г. получило организационное оформление даже на местном уровне. Тем более необоснованными выглядят утверждения о существовании до декабря 1905 г. общероссийских черносотенных союзов. Акты террора против революционных активистов на начальном этапе революции являлись стихийными – их участники не были объединены в политические или общественные структуры и действовали без предварительного плана, без согласования своих шагов. Начавшись в феврале 1905 г., акты контрреволюционного террора вплоть до дней «октябрьских свобод» происходили бессистемно в различных частях страны, находясь в прямой зависимости от интенсивности революционной борьбы.

Во-вторых, массовые вооруженные столкновения двух враждебных общественных групп – революционной и контрреволюционной – происходили на протяжении всего первого периода революции и выражались как в столкновениях и перестрелках, так и в виде погрома как такового. В то же время основным направлением развития внутривластной борьбы до провозглашения Манифеста 17 октября было противостояние революционного общества и власти. Существование третьей самостоятельной силы – консервативно настроенного общества – ставилось под сомнение обоими названными политическими субъектами начального этапа революции.

Согласно выводам, полученным при разрешении второй задачи исследования, противостояние революционного общества и власти завершилось поражением последней, что выразилось в подписании

императором Манифеста 17 октября. Это событие подтолкнуло сторонников свержения самодержавия к решительным действиям. Однако период триумфа революционного движения повсеместно оказался коротким, так как неожиданное вмешательство контрреволюционных групп общества было стремительным и сокрушило революционную общественность. За небольшим исключением массовое и стихийное выступление противников революции привело к разгрому антиправительственных сил. Дальнейшие действия контрреволюционных групп населения выражались в основном в разграблении еврейского имущества, если речь шла о городах в границах черты оседлости, или массовом избиении и подавлении политической активности интеллигенции и студенчества. На окраинах империи общественные столкновения обретали собственную специфику, не оказавшую, впрочем, влияния на ход политической борьбы в общегосударственном масштабе.

При изучении мотивации враждебных сторон автор подчеркивает, что причиной агрессивного выступления монархических манифестаций явилось обострение политической борьбы. Существенные мотивы, среди которых следует назвать экономический упадок вследствие стачек, антиеврейские настроения, неприязненное отношение к просвещенной общественности, стали фоном и дополнительным стимулом для атаки на революционные силы, но не их первопричиной. При рассмотрении вопроса об инициаторах общественных столкновений необходимо констатировать, что повсеместно революционные группы давали к ним повод стрельбой, попытками обратить участников встречных шествий на свою сторону, поступками, оскорблявшими верноподданнические чувства консервативного населения (например, глумлением над портретами Николая II). Поэтому представители лояльной власти населения повсеместно охотно принимали вызов и проявляли ответную агрессию.

Массовость, частота, лозунговый и практический радикализм революционных выступлений в дни «октябрьских свобод» привели к тому,

что именно этот непродолжительный период явился пиком общественного противостояния в ходе Первой русской революции. На данном этапе антиправительственное движение выступило с наибольшей силой, в то время как власть оказалась в состоянии большого смятения и потому не имела возможности осуществлять карательные функции. В сложившейся ситуации именно консервативная общественность взяла на себя миссию – правда, понятую и реализованную весьма специфическим образом – по противодействию революции. Число погромов в России в октябре 1905 г. приблизительно равно количеству революционных выступлений. Действия контрреволюционной части населения после объявления Манифеста 17 октября сыграли важную роль в подавлении революции. В тех городах, где в октябре 1905 г. погромы оказались сильными и привели к нейтрализации революционных групп, в декабре не было подготовленных вооруженных выступлений. Победа консервативных сил была predetermined подавляющим численным превосходством, а также поддержкой, оказывавшейся им властью. Местная администрация в большей части губерний воспользовалась стихийным консервативным общественным движением, попыталась направлять его и взять под контроль. В целом такие намерения были ею реализованы позднее, но в дни «октябрьских свобод» монархические манифестации после разгона революционных демонстраций повсеместно перерождались в криминальные сообщества и принимались совершать противоправные акты.

В-третьих, на завершающем этапе революции власть предприняла попытку консолидировать консервативное общественное движение под знаменем СРН, однако столкнулась с неготовностью симпатизировавшей этой организации части населения участвовать в политической жизни на регулярных началах. Противостояние социалистических и либеральных партий с СРН на протяжении 1906–1907 гг. наиболее остро проявилось во взаимной дискредитации в периодической печати, нежели в вооруженных столкновениях. Взаимный террор общественных групп утрачивал свое

прежнее значение в жизни страны, хотя власть и обыватели оставались под впечатлением столкновений октября 1905 г., и их опасения, что погромы повторятся, были сильными. Столкновения черной сотни и революционеров в 1906–1907 гг. произрастали, как правило, из недостоверных слухов и провокаций, организовывавшихся обеими сторонами гражданского конфликта.

Вооруженное противостояние политических групп общества в период Первой русской революции не было самостоятельным явлением. Погромы и прочие акции массового террора были теснейшим образом связаны с иными проявлениями революционной и контрреволюционной борьбы. Вместе с тем на пике революции именно столкновения враждебных гражданских сил приобрели первенствующее значение в определении политической повестки дня, что непосредственным образом определило как исход самого общественного противостояния, так – опосредованно – и особенности того нового режима, который сложился в России в результате революции 1905–1907 гг.

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ:

1. Кузнецов Г.Р. Провокация Ивана Казанцева. На стыке революционного и черносотенного террора // Родина. 2009. № 10. С. 112–115. (Журнал входит в перечень изданий, утвержденных ВАК).

2. Кузнецов Г.Р. Союз русского народа и погромная тревога 1905–1907 гг. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2010. № 1. С. 65–76. (Журнал входит в перечень изданий, утвержденных ВАК).

3. Кузнецов Г.Р. Как громили «мать городов русских» (1905г.) // Новый исторический вестник. 2011. № 2 (28). С. 71–80. (Журнал входит в перечень изданий, утвержденных ВАК).